

О.А. Ефремова

Новосибирский государственный педагогический университет

**Нестабильность художественного пространства
повести А.М. Ремизова «Пятая язва»**

Аннотация: Данная статья посвящена анализу пространственной организации повести А.М. Ремизова «Пятая язва». В отличие от четко структурированного и разграниченного пространства романа «Пруд» и повестей «Крестовые сестры» и «Плачужная канава» пространство «Пятой язвы» является зыбким и текучим. Такая смена организации пространства обусловлена развитием авторского мировоззрения: в более ранних произведениях мы видим, что миром управляет некая злая воля, а после 1910-х годов вместо нее возникает божественная, «правая» воля, снимающая с людей вину за любой поступок. Повесть «Пятая язва», написанная в 1912 году, является «пограничным» произведением, в котором законы старой пространственной организации уже не действуют, а новая еще до конца не сформировалась.

This paper is devoted to the research into the spatial organization of the story «The Fifth Plague» by A.M. Remizov. As distinct from the clearly structured and demarcated space of the novel «The Mere» and the stories «Sisters of the Cross» and «The Deplorable Ditch», the space «The Fifth Plague» is unstable. This change of space organization is connected with the evolution of Remizov's world view. In his earlier works we observed a certain evil will which was ruling the world while after 1910 there arose a new, divine «right» will exculpating people from any charges. «The Fifth Plague» which was written in 1912, is a «borderline» work in which the rules of the old space structure have ceased, while no new one has been formed yet.

Ключевые слова: А.М. Ремизов, «Пятая язва», художественное пространство, топос, локус.

A.M. Remizov, «The Fifth Plague», artistic space organization, topos, locus.

УДК: 821.161.1 (092) Ремизов А.М. – 31

Контактная информация: Новосибирск, ул. Вильнойская, 28. НГПУ, кафедра русской литературы и теории литературы. E-mail: lesefremova@yandex.ru.

Повесть А.М. Ремизова «Пятая язва», написанная в 1912 году, рисует картины жизни провинциального городка периода начала XX века. В начале повести читатель знакомится с его жителями и узнает их дикие жизненные привычки: пьянство, употребление крепкого словца, взяточничество, рукоприкладство, измены и сплетни. Всему обществу города противопоставлен следователь Бобров, строгий, беспристрастный, замкнутый и неудобный для городского «братства» человек.

В повести можно встретить следующие названия городов: Лыков, Студенец, Петербург, Париж, Москва, – каждый из них связан с жизненным путем Боброва. В Лыкове прошло его детство, учился он в Петербурге, опыт перенимал в Париже, а вернулся из-за границы не в Петербург, и не в Москву, а в Лыков – кандидатом в лыковский суд, но был назначен в Студенец.

Названные города могли бы образовать оппозицию «столицы-провинции», подобно городам повести «Крестовые сестры», однако этому препятствует глобальное доминирование Студенца, который представлен как усредненный провинциальный город: «В Студенце можно жить всякому, смотря карману» [Ремизов, 2001, с. 211]. Он разрастается в тексте до огромных размеров и заполняет всё художественное пространство, являясь аллегорией не столько пространства российской действительности, сколько вселенского масштаба. Перед этим городом меркнут и российские столицы (действующая и историческая), и европейская – Париж. Все три столичных города, о которых в повести сказано вскользь, несут значения мест профессиональной учебы, а Петербургу в тексте присвоена и семантика школы светских манер: «докторша Торопцова Катерина Владимировна – Л и з а б у д к а, певица студенецкая, и хоть дальше Казани никуда не выезжала, но с заезжим человеком может так разговор повернуть, словно бы всю-то жизнь прожила в Петербурге» [Там же, 2001, с. 234] (здесь и далее разрядка А.М. Ремизова). Важно отметить, что сама пространственная оппозиция «столицы-провинции» в повести перестает быть актуальной: перечисленные столицы не несут в тексте никаких культурных смыслов, а провинциальный город выходит за ее пределы, становясь вселенской метафорой человеческого существования. В связи с таким доминированием Студенца необходимо вспомнить семантику названия города. С одной стороны Студенец – «застывший» город, который несет значения холода и стужи как атрибуты ада и остановившийся в своем развитии, а с другой стороны – колодец, ключ из земли. Оба значения передают семантику холода и берут свое начало, по утверждению С. Доценко, из Откровения Иоанна Богослова, в котором слово «студенец» явлено в значении «колодец бездны (то есть ада)» [Доценко].

Как уже было отмечено, из всех названных городов детальная прорисовка пространства представлена лишь у Студенца, являющегося основным местом действия. Он окружен лесом, в нем процветает торговля и лесопромышленность, но в тоже время читатель видит гнилые заборы, множество покосившихся домишек, крашенных в неожиданные пестрые цвета, редкие деревья, торчащие ветлами из-за тесовых заборов. «Деревянная редкая стройка, заборы. Из-за тесовых заборов редкие деревья – ветлы какие-то, одни прутья торчат. На заборах подходящие остановкам, выцарапанные и намелованные стихи, назидательные весьма, но совсем не для громкого чтения. Покосившиеся домишки, крашенные в самый неожиданный цвет – целая пестрая деревня, одинокий каменный дом Нахабина с золотыми львами на воротах – живет Нахабин богатым обычаем, трехэтажная Опаринская гостиница, да кирпичный красный сундук – номера Бабашкова, каменный белый собор и острог белый каменный.

Улицы немощные, от тротуара до тротуара – стоялая лужа, переход через улицу по доскам, доски от ветхости вбились в грязь, и по осени, знай, подвязывай калоши, а то зачерпнешь. <...> В лужах, как мертвые, дрыхнут студенецкие свиньи, и лишь какой поросенок бродить по уши в липкой грязи» [Там же, с. 231–232].

Названий улиц нет, что работает на уже отмеченную усредненность города, лишение его индивидуальности и исключительности. Однако сами улицы есть, хотя и прописаны обобщенно: «стоялая лужа от тротуара до тротуара». Жители переходят их по брошенным доскам, которые вбились в землю. Несложно заметить, что в описании города доминирует хаотичность, ветхость и грязь. Гнилые заборы и покосившиеся дома – это внешнее, физическое проявление духовного развала общества города, через физическое разрушение проступает греховное начало.

Помимо покосившихся разнообразных деревянных домишек, образующих целую пеструю деревню, в городе есть одинокий каменный дом лесопромышленника Нахабина с золотыми львами, трехэтажная гостиница головы Опарина

и кирпичный красный сундук – комнаты Бабашкова, также в собственности Опарина. Перечисленные «достопримечательности» принадлежат первым лицам города: Нахабину, имеющему свой автомобиль для поездок в Лыков, и голове Опарину. Но они духовно не выделяются из общества Студенца так, как их собственность выделяется из множества пестрых домишек, они примыкают ко всему городу, который считает следователя неудобным человеком.

Отдельно стоит сказать про клуб, «место покоища и пагубы». Время открытия и внутреннее устройство прописаны с большой детализацией: «Пять клубных комнат – во всех одинаково желтоватые под орех обои, крашенный пол. В гостиной у дивана по стене – жирные головные пятна – след добросовестной работы студенецкого парикмахера Юлина – Г р и ш к и О т р е п ь е в а . . . Пропойный табачный дух. Клубная библиотека рядом с уборной. “Пройти в библиотеку”, – означает: “пойду в уборную”. А в уборной среди всяких непечатных заборных стихов и восклицаний начертана историческая надпись, сохранившаяся от дней свободы. “Да здравствует республика!”»

Зимой в клубе выписываются газеты, летом не выписываются: в жару не до чтения, и кому читать?» [Ремизов, 2001, с. 233].

Такие детали, как пятна от голов по стене, старое просиженное кресло с разрезанной обивкой, пропойный табачный дух и реверсия библиотеки с уборной подтверждают нашу гипотезу о том, что через внешнюю грязь и ветхость проявляется духовное окостенение обитателей клуба, ведь он является главным местом встречи братства Студенца, «лицом» их интересов. Также важны такие детали, как имя парикмахера и надпись в уборной. Они свидетельствуют о том, что помимо застывших в своем постоянстве бытовых реалий, наблюдаются отголоски уже неактуальных исторических событий, которые тоже работают на создание застоя замкнутой и самодостаточной провинциальной жизни.

Кроме пьянства в клубе-кабаке у жителей Студенца есть и другие интересы, приводящие их в это место. «В клубе играют, едят, разговаривают. Играют в рамс и преферанс, редко в винт, а после двенадцати – в железную дорогу. Разговоры – студенецкие сплетни, мнений ни у кого никаких: так, куда ветер» [Там же, с. 234]. В данной цитате для нас важен не раз возникающий в тексте повести образ ветра, который подчеркивает хаотичность ментальной жизни «своих людей» клуба, подверженность внешним влияниям. Также образ ветра возникает в конце повести, где три женщины стоят под осенним упорным ветром у острога, замаливая грехи осужденных. В этом моменте и далее в тексте ветер приобретает коннотации разбойной удали, ведущей на кладбище острога. Именно там он воет и гуляет между крестов, а также гуляет за окном Боброва в момент его смерти. Так стихия удалой русской души, не боящейся Суда, «побеждает» законность, которую боготворил как единственный путь спасения русского народа Бобров.

Особого внимания заслуживают «каменный белый собор и острог белый каменный» [Там же, с. 231]. Они отражают друг друга, что в первую очередь задает зеркальная форма предьявления их в тексте. Они являются двумя сторонами жизни русского народа: разбойной, греховной и праведной, религиозной, – расположены рядом и выполнены из одного материала одинакового цвета. Именно эта амбивалентность русской души и позволяет объяснить появление среди народа старца Шапаева с его лечением блудом, и каменную двустороннюю праведно-грешную сущность души Боброва, от осознания и неприятия которой у него оставилось сердце.

Итак, была изучена внутренняя структура Студенца, его «карта». Обратимся теперь к его внешнему географическому положению в пространстве. Для толкования текста очень важно, что Студенец стоит на горе с лесной стороны, а напротив него на другой горе Тихвинский девичий монастырь. Между горами сплавная река Медвежина, которая выполняет функцию границы. «Студенец на горе – лесная сторона. Против города на другой горе монастырь, – некогда старцы пустынь-

ные, работая Богу и церкви Божией, жили в нем, отшельники, питались лыками да сено по болоту косили в богомыслии и умной молитве, а теперь монашки лягушачью икру сушат, – помогает от рожи, да коров развели и молоко продавать возят на завод в Лыков, – Тихвинский девич-монастырь. Между гор река – сплавная река Медвежина. Кругом лес» [Ремизов, 2001, с. 231]. Так как монастырь находится напротив города, и между ними протекает река, то эти два места по логике вещей должны вступать в отношения противопоставления. Однако город, общество которого погрязло в пороках, стремиться «излечиться» доступными для себя способами, пусть и блудом у Шапаева, а монастырь также мельчает: раньше старцы в нем питались лыками и жили в умной молитве, а теперь монашки продают молоко и лягушачью икру. Эта амбивалентность названных локусов обусловлена свойствами реки-границы: она не четкая и фиксированная, а зыбкая и подвижная, ведь вода в реке постоянно движется, изменяя свое русло. Спас-гора в пространственном отношении уравнивается с греховным Студенцом, и, несмотря на то, что монастырь расположен на горе, в вертикальной близости к Богу, на ней бабушка Двигалка рождает черта-котенка. «А на Спас – на горе бабушка Двигалка-Филитьева черта родила» [Там же, с. 257]. Так плывут устои жизни, и греховное соединяется с божественным: становится сложно однозначно оценить, например, и такое явление, как лечение блудом с молитвами.

Таким образом, в результате анализа внутреннего строения Студенца и его внешнего пространственного положения было замечено, что для повести актуально нарушение пространственных границ. Это явление приводит к тому, что все пространство текста становится зыбким и плывет. Так подтверждается наша мысль об амбивалентности анализируемых локусов и даже некотором палимпсесте присущих им смыслов. В повести, изображающей застоявшийся уклад провинциальной жизни эффект движения создается через введение нестабильного пространства. Вспомним, что для ранних произведений писателя характерна стабильная и четкая пространственная организация. Данная смена структуры пространства обусловлена развитием авторского мировоззрения: в ранних произведениях миром управляет некая злая воля, а после 1910-х годов вместо нее возникает божественная, «правая» воля, снимающая с людей вину за любой поступок. Так «Пятая язва», написанная в 1912 году, являет нам сдвиг в творчестве писателя: в повести законы старой пространственной организации уже не действуют, а новая еще до конца не сформировалась.

Литература

Доценко С. О генезисе топонима «Студенец»: из комментария к повести А.М. Ремизова «Пятая язва» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.ruthenia.ru/document/528721.html> (дата обращения: 25.01.2013 г).

Ремизов А.М. Собр. соч.: В 10 т. М., 2001. Т. 4: Плачужная канава.